

© 2018 г.

А. О. НАУМОВ, Р. С. ПОЛОЖЕВИЧ

«МЯГКАЯ СИЛА» И ПУБЛИЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Наумов Александр Олегович — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и проблем глобального управления факультета государственного управления МГУ (Москва, Россия).

Положевич Роман Станиславович — соискатель кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ (Москва, Россия).

DOI: 10.31857/S013038640001421-1

«Мягкая сила» — это возможность достигать целей на внешнеполитической арене путем убеждения и привлечения симпатий других акторов, способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью их подкупа или принуждения. Основным инструментом наращивания «мягкой силы» государства в современном мире является публичная дипломатия. Эти два термина уже настолько прочно вошли в отечественный научный и общественно-политический дискурс, что вряд ли есть необходимость заниматься их скрупулезным теоретическим анализом. Иначе обстоит дело с особенностями «мягкой силы» и публичной дипломатии различных участников современной мировой политической системы. Сегодня «мягкой силой» обладают и активно используют ее возможности государства, международные организации, неправительственные структуры и даже террористические сети. Наибольший интерес представляет, пожалуй, изучение «мягкосилового» потенциала крупнейших держав современности, которые остаются ключевыми игроками в области глобального управления.

Одним из наиболее влиятельных геополитических акторов, добившихся заметных результатов в деле имплементации «мягкой силы» в своей внешней политике, является Китайская Народная Республика (КНР). В последние годы данной теме был посвящен целый ряд научных работ, в которых затрагивались те или иные аспекты «мягкой силы» и публичной дипломатии КНР¹. Однако до сих пор в оте-

---

¹ *Кухаренко Н. В.* Политика «мягкой силы» как инструмент внешней политики Китая. — Россия и Китай: новый вектор развития социально-экономического сотрудничества. Благовещенск, 2014; *Михневич С. В.* Панда на службе дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая. — Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика, т. 9, 2014; *Емельянова Н. Н.* Перспективы «гибкой власти» в Азии (на примере Китая и Индии). — Власть, 2015, № 6; *Ломанов А. В.* Современная китайская концепция «мягкой силы». — «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. М., 2015; *Будаев А. В.* Светлые и темные стороны «мягкой силы» Китая. — Государственное управление. Электронный вестник, № 54, 2016. — http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2016/vipusk_54_fevral_2016_g./problemi_upravlenija_teorija_i_praktika/budaev.pdf; *Кривохиж С. В.* Публичная дипломатия с китайской спецификой: чем может быть полезен опыт Пекина. — Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы VI международной научно-практической конференции. Благовещенск, 2016; *Тарабарко К. А.* «Мозговые центры» как форма институционализации исследований «мягкой силы» культуры Китая. — Гуманитарные научные исследования, 2016, № 6 (58); *Джанаева А. Э., Понька Т. И., Чжао Цзелинь.* Буддизм как ресурс «мягкой силы» Китая. — Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, т. 17, 2017, № 2; *Кучинская Т. Н., Тарабарко К. А.* Культурные практики реализации «мягкой силы» Китая. — Общество: философия, история, культура, 2017, № 1; *Рогожина Н. Г.* «Мягкая сила» в политике Китая в странах Юго-

чественной историографии не предпринималась попытка системного анализа данного феномена. Предлагаемая статья призвана ликвидировать этот пробел. Системный подход предполагает анализ политического и научного дискурса о «мягкой силе» в КНР, выявление ключевых акторов и определение основных направлений реализации «мягкой силы» и публичной дипломатии Китая, наконец, вычленение проблем, с которыми сталкивается современное китайское руководство при реализации политики «мягкой силы».

Идейные истоки этой политики можно обнаружить в датированных VIII—III вв. до н.э. сочинениях древних мудрецов Поднебесной. Важнейшими из них являются трактаты «Книга перемен», «Книга пути и достоинства» Лао-цзы, «Аналекты Конфуция», труды Мо-цзы и Мэн-цзы, «Семикнижие военного канона», «Искусство войны» Сунь-цзы и «Законы войны почтенного У».

В истории современного Китая тема «мягкой силы» получила научное развитие в начале 1990-х годов. Книга американского политолога Дж. Ная-младшего «Обреченные лидировать: меняющаяся природа американской мощи», ставшая предтечей широкой полемики по данной теме, была переведена на китайский язык в 1992 г., а уже через год первую статью о «мягкой силе» Поднебесной опубликовал советник Председателя КНР Цзян Цзэминя Ван Хунин.

Доктринальными основами «мягкой силы» КНР стали внешнеполитическая концепция «мирного возвышения Китая» (2003 г.), идея Пекинского консенсуса (2004 г.), доктрины «мирного развития Китая» и «гармоничного мира совместного процветания» (2004—2005 гг.), концепция «китайской мечты» (2012 г.).

Впервые термин «мягкая сила» (наиболее релевантный перевод данного понятия на китайский язык — «жуань шили», именно он и применяется в официальном дискурсе) был озвучен официальным Пекином в 2006 г. на VIII Всекитайской конференции представителей литературы, когда Председатель КНР Ху Цзиньтао призвал «увеличивать международную конкурентоспособность культуры страны и повышать “мягкую силу” государства»². Год спустя в своей речи на XVII съезде Коммунистической партии Китая (КПК) глава КНР призвал «осознать важность повышения “мягкой мощи” государства в лице культуры, чтобы лучше гарантировать основные культурные права и интересы народа, сделать красочнее культурную жизнь общества и более возвышенным — духовный облик народа»³. Примечательно, что на XVII съезде КПК тема «мягкой силы» была включена в раздел, посвященный развитию культуры, а не внешней политики страны. Таким образом нормативной китайской трактовке «мягкой силы» был придан характер культуроцентричности. На съезде были выдвинуты задачи целенаправленного строительства «мягкой силы» в Китае: «создавать систему стержневых социалистических ценностей, увеличивать притягательные и цементирующие силы социалистической идеологии»; «формировать гармоничную культуру, воспитывать цивилизованные нравы»; «широко распространять национальную культуру, строить общий духовный очаг китайской нации»; «продвигать новаторство в культуре, усиливать жизненную силу культуры»⁴.

Восточной Азии. — Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, № 34, 2017; Сафронова Е. И. Проект «Один пояс, один путь» — комплексный фактор «мягкой силы» Китая. — Проблемы и перспективы реализации инициативы «Экономический Пояс Шелкового Пути» в контексте ШОС. М., 2017.

² Цит. по: Тарабарко К. А. Научные центры исследования «мягкой силы» как часть национальной стратегии КНР. — Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации. Сборник статей VIII международной научно-практической конференции. Чита, 2016, с. 231.

³ Доклад Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК (полный текст). — Официальный сайт XVII Всекитайского съезда КПК КНР. 24 октября 2007 года. — http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007_10/25/content_9120930_16.htm

⁴ Цзайци Лю. «Мягкая сила» в стратегии развития Китая. — Полис, 2009, № 4, с. 150.

Свое развитие теория «мягкой силы» получила на шестом пленуме ЦК КПК 17-го созыва, проходившем в октябре 2011 г. «Мягкая сила» формулировалась как противостояние «осуществлению международными враждебными силами вестернизации и стратегических замыслов по расчленению страны, реализации долгосрочных планов проникновения в важные сферы идеологии и культуры»⁵. В документах пленума была зафиксирована необходимость «осуществлять стратегию выхода культуры на мировой уровень, непрерывно повышать международное влияние китайской культуры, демонстрировать миру новый образ реформ и открытости Китая и высокий духовный облик китайского народа»⁶. Наконец, успехи в деле наращивания китайской «мягкой силы» посредством продвижения материальной и духовной культуры как внутри страны, так и на международной арене были отмечены (правда, без конкретизации) в докладе Председателя КНР Си Цзиньпина на XIX съезде КПК в октябре 2017 г.⁷

Сегодня в китайском экспертном сообществе сложилось два принципиальных подхода к включению концепции «мягкой силы» во внешнеполитическую практику КНР. Первый, культурный подход постулирует, что в основе «мягкого» влияния Поднебесной должны лежать традиционные китайские ценности, модифицированные КПК в концепции «гармоничного общества» и «гармоничного мира». Основоположник данного подхода Ван Хунин выделяет в структуре «мягкой силы» следующие элементы: политическое руководство и политическую систему, международный образ страны, национальный дух, международную стратегию государства, уровень развития науки и техники⁸. По мнению китайского исследователя, именно фактор культуры становится в современной архитектонике международных отношений основой формирования «мягкой силы». В развитие упомянутых выше концепций «гармоничного общества» и «гармоничного мира» автор ввел понятия «культурный суверенитет» («вэньхуа чжужюань») и «культурная гегемония» («вэньхуа бацюань»)⁹.

Профессора Чжан Чжань и Ли Хайцзюнь утверждают, что основу китайской «мягкой силы» образуют правящий режим социализма с китайской спецификой, богатая и древняя культура и внешняя политика¹⁰. Китайские исследователи Сан Хун, Чжан Цзы, Ху Хуэйлинь также утверждают, что значимость в определении статуса великой державы имеет не ресурсный потенциал страны, а то, какой культурный вклад внесло то или иное государство в мировое развитие¹¹.

Приверженцы второго, политического подхода считают, что все компоненты «мягкой силы» должны развиваться параллельно и независимо друг от друга. Восхищение китайской культурой, по их мнению, не влечет за собой автоматического уважения к политическому курсу и социально-экономическому устройству государства. Ярким представителем данного подхода является китайский политолог Янь Сюэту. Под «гибкой властью» он понимает «способность государства к политической мобилизации внутри и вовне», формируемую под влиянием между-

⁵ Цит. по: Михневич С. В. Указ. соч., с. 99.

⁶ Там же.

⁷ См. Secure a Decisive Victory in Building a Moderately Prosperous Society in All Respects and Strive for the Great Success of Socialism with Chinese Characteristics for a New Era. — 19th CPC National Congress, October 18, 2017. — http://www.xinhuanet.com/english/download/Xi_Jinping's_report_at_19th_CPC_National_Congress.pdf

⁸ Тимофеев О. А. «Мягкие» методы международного влияния и трансформация внешнеполитической парадигмы в КНР. — Вестник Тихоокеанского государственного университета, 2009, № 4, с. 191.

⁹ Кривохиж С. В. Публичная дипломатия Китайской Народной Республики: становление и развитие. (Автореферат канд. дисс.) СПб., 2014, с. 57.

¹⁰ Там же, с. 58.

¹¹ См. Бодрова О. И. Культурная дипломатия как инструмент «мягкой силы» КНР. — Приволжский научный журнал, 2013, № 4, с. 208.

народной привлекательности государственной политико-экономической модели и культуры, а также под воздействием мобилизационных факторов: международного (определяемого наличием долгосрочных дружественных отношений с другими государствами, масштабами участия страны в формировании мирового порядка) и внутригосударственного (обусловленного степенью воздействия на национальную элиту и широкие слои общественности)¹². По убеждению Янь Сюэтун, «мягкая сила» актуализируется в терминах политической власти, определяемой как операциональная сила. Культура же должна рассматриваться исследователями как обладающая параметрами «жесткой», ресурсной, силы. Он обращает внимание на то, что «мягкая сила» является не слагаемым в формуле совокупной государственной мощи, а мультипликатором ресурсной силы:

$CP = (M + E + C) \times P$, где CP — совокупная государственная мощь, M — военная сила, E — экономическая сила, C — культурная сила, а P — политическая («мягкая») сила.

Политолог приходит к заключению, что при отсутствии у государства «мягкой силы» его совокупная мощь также равна нулю при любом значении остальных сил. Примеры, эмпирически подтверждающие данный вывод, Янь Сюэтун усматривает в исторической судьбе Римской и Британской империй, последней китайской императорской династии Цин, а также Советского Союза¹³.

Китайский эксперт Лю Цзайци отмечает, что фундаментом «мягкой силы» государства является проводимый им политический курс, а структурно ее можно представить как включающую стратегию развития государства, притягательность модели его социально-экономического развития, идентификационную мощь его ценностных ориентаций и государственной идеологии, привлекательность национальной культуры, международное влияние и способность успешно реализовать стратегию развития государства. Другие представители политической школы — Сюй Цзинь, Су Чанхэ, Юй Кэпин — связывают применение страной «мягкой силы» с наращиванием государственной и военной мощи Китая на мировой арене, дипломатией гармоничного мира, отстаиванием национального суверенитета при выстраивании отношений с другими геополитическими игроками. Приоритетными целями аккумуляции китайской «мягкой силы» указанными исследователями признаются «переоценка политики КНР относительно невступления в альянсы и увеличение числа ее стратегических союзников»¹⁴.

Отметим, что официальный Пекин, по крайней мере на сегодняшний день, при реализации политики «мягкой силы» склонен больше опираться на первый, культуроцентричный подход.

Модель «мягкой силы» Китая имеет ряд характеристик, отличающих ее от классической американской модели. Китайские ученые отрицают универсальный характер «мягкой силы» какой бы то ни было страны, подчеркивая приверженность принципу многообразия при формировании ее национальной модели. В соответствии же с американским подходом демократическое устройство и политические ценности, активно насаждаемые США в разных уголках мира, подходят для любого государства. Отрицание универсальной применимости любой национальной модели «мягкой силы» не препятствует сосуществованию в Китае двух академических точек зрения касательно характера ее использования страной. Одна группа китайских экспертов, в том числе профессор Цюй Юаньпин, убеждена в том, что «мягкая сила» Китая должна носить оборонительный характер с тем, чтобы улуч-

¹² Цит. по: Ломанов А. В. Указ. соч., с. 38.

¹³ Кривохиж С. В. Публичная дипломатия Китайской Народной Республики: становление и развитие, с. 66.

¹⁴ Там же, с. 63, 69.

шать международный имидж страны и искоренять стереотип о «китайской угрозе». Вторая группа теоретиков (к которой принадлежат, например, Чжан Минцян и Ян Цземьянь), напротив, считает, что китайская модель развития может и должна быть экспортирована, а предложенный миру Пекинский консенсус может стать достойной альтернативой американской модели, особенно в государствах с формирующимися рынками и в развивающихся странах¹⁵.

Концепция «мягкой силы» Китайской Народной Республики предназначена не только для внешней, но и для внутренней аудитории. Такой подход базируется на том, что построение гармоничного китайского общества и гармоничного мира в целом — процессы тесно взаимосвязанные. Еще одной причиной этой двусторонней направленности является усиливающееся влияние на китайцев, особенно молодежь, западной культуры и западного образа жизни, что потенциально угрожает социалистическим устоям КНР. Китайское руководство сегодня прилагает значительные усилия, чтобы популяризировать национальную культуру и историческое наследие Китая, повысить престиж страны в глазах собственных граждан. Этот феномен получил название «культурный бум» — «вэньхуа жэ».

Наконец, китайскую модель «мягкой силы» отличает фактическое исключение негосударственных организаций, на которые не распространяются контроль и надзор властных структур, из процесса выработки приоритетов ее реализации. Структуры, пользующиеся относительной автономией, например университеты, участвуют в осуществлении уже принятых решений, однако напрямую на выработку государственной политики в области «мягкой силы» и публичной дипломатии не влияют.

Сегодня в Китае сформулирована стратегия развития «мягкой силы» и создана соответствующая ей институциональная инфраструктура. Генеральную линию как внутри страны, так и за ее пределами, выстраивают высшие партийные круги КПК и ключевые органы государственной власти. Процесс целеполагания в реализации политики «мягкой силы» осуществляется в Центральной партийной школе ЦК КПК, Департаменте публичности КПК, а также в Отделе международных связей ЦК КПК. Китайскую стратегию «мягкой силы» формирует и Государственный совет КНР, а за непосредственное воплощение отдельных ее направлений отвечает ряд профильных министерств.

Кроме того, существенный вклад в успешное продвижение «мягкой силы» Китая вносят специализированные структуры: Государственная канцелярия по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань), Ассоциация публичной дипломатии, Китайский совет по продвижению международной торговли, Китайский стипендиальный совет, Всекитайская федерация промышленности и коммерции, Китайский совет по продвижению международных инвестиций. Выработку рекомендаций для удачного применения Китаем инструментов «мягкой силы» осуществляют и специализированные «мозговые центры»: Гуандунский Южный институт исследований «мягкой силы» (создан в 2012 г.), Государственный инновационный центр совместных исследований «мягкой силы» культуры Китая (образован в 2013 г. на базе Уханьского университета), Государственный центр исследований «мягкой силы» культуры Китая (учрежден в 2014 г. при Институте международных отношений Пекинского университета)¹⁶. Кроме указанных выше институтов, в КНР насчитывается несколько сотен «мозговых центров», в той или иной степени занимающихся вопросами экономической, культурной, спортивной, образовательной дипломатии страны. При этом все китайские «мозговые центры» можно услов-

¹⁵ См. *Glaser B. Soft Power with Chinese Characteristics: The Ongoing Debate.* — *Chinese Soft Power and Its Implications for the United States: a Report of the CSIS Smart Power Initiative.* Ed. by B. Glaser, M. Murfy. Washington, 2009. — https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/090310_chinesesoftpower_chap2.pdf

¹⁶ *Тарабарко К. А.* Научные центры исследования «мягкой силы» как часть национальной стратегии КНР, с. 228—235.

но разделить на три категории: государственные аналитические центры, специализированные академические исследовательские институты и аналитические центры, связанные с университетами¹⁷.

Сейчас в официальных документах КНР, а также в китайском, российском и западном научных дискурсах нет единого понимания того, что следует относить к ресурсам и инструментам «мягкой силы» Китая. На наш взгляд, целесообразно выделить несколько ключевых направлений данной политики: популяризация традиционной и современной китайской культуры; распространение китайского языка за рубежом и международное научно-образовательное сотрудничество; работа с зарубежной китайской диаспорой; формирование положительного образа китайской социально-экономической модели развития и инвестиционная деятельность за рубежом; содействие международному развитию и кризисная дипломатия.

Важнейшее значение для реализации политики «мягкой силы» КНР, безусловно, имеет популяризация за рубежом национального историко-культурного наследия. Учитывая то, что культурный продукт Китая в силу исторических причин призван выполнять не только и не столько развлекательную (коммерческую), сколько идейно-воспитательную функцию, официальный Пекин уделяет этому ресурсу пристальное внимание. Поиск оптимальной модели совмещения указанных функций китайской культуры, нацеленный как на успешную популяризацию ценностей социализма с китайской спецификой, так и на завоевание значительной доли мирового рынка, идет в Китае с 1980-х годов¹⁸.

В 2002 г. на XVI съезде КПК культурная сфера Китая была четко разделена на коммерческую индустрию («вэньхуа чанье») и некоммерческую отрасль («вэньхуа ши») ¹⁹. Нормативное закрепление такой дихотомии позволило китайскому руководству органично соединить национальную культуру с запросами государственной идеологии и адаптировать ее к требованиям рынка. При этом государство оставило за собой контроль над культурной отраслью, выполняющей функцию идейно-патриотического воспитания граждан, и создало условия, необходимые для развития индустрии, производящей культурный продукт как для внутреннего, так и для зарубежного потребителя.

Новейшие тенденции развития культурной отрасли Китая нашли отражение в представленном в мае 2017 г. ЦК КПК и Государственным советом КНР дополнении к плану на 13-ю пятилетку. Пятилетний план реформирования индустрии культуры имеет целью превратить ее к 2020 г. в один из стержней китайской экономики. Достижение этой цели предполагает снижение порога вхождения частного капитала в сектор культуры, увеличение объемов государственной поддержки китайских предприятий, внедряющих инновации в сфере культуры и информационных технологий, создание и развитие широкой сети «аналитических центров с китайской спецификой» как проводников идей КПК в мире и важного элемента культурной индустрии²⁰.

В последние годы правительством КНР был принят целый ряд программ («Культурный Китай. Расцвет на четырех морях», «Китайские таланты и искусства», «Китайская традиционная медицина», «Путешествие в Китай в поисках своих корней»), которые нацелены на усиление влияния китайской культуры за рубежом и демонстрацию миру нового образа Китая. Примером использования Китаем «мягкой силы» может служить так называемая «фасадная политика»,

¹⁷ Подробнее см. *Михневич С. В.* Указ. соч., с. 103.

¹⁸ *Борох О. Н.* Роль культуры в наращивании потенциала «мягкой силы» КНР. — «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром, с. 62.

¹⁹ Там же, с. 62—63.

²⁰ *Нежданов В.* Культурное расширение XIII пятилетки: реформа индустрии культуры КНР и создание глобальной сети пропаганды. — Официальный сайт Российского совета по международным делам. — <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/kulturnoe-rasshirenje-xiii-pyatiletki-reforma-industrii-kultury-knr-i-sozdanie-globalnoy-seti-propag>

когда для иностранцев создаются наиболее благоприятные условия для «правильного» восприятия культурного, экономического и социального развития Китая. В ее рамках китайским приграничным территориям предоставляется государственная поддержка для создания облика благополучно развивающегося Китая. Например, китайский город Хэйхэ, который находится на берегу Амура, напротив российского Благовещенска, получает государственные субсидии на благоустройство городской среды, в том числе на неоновую иллюминацию архитектурных объектов, выходящих фасадом именно к российскому берегу²¹. Большое значение в КНР придается и развитию въездного туризма. Хорошо известен, в частности, курорт мирового уровня на острове Хайнань.

Среди прочих инструментов китайской культурной дипломатии можно выделить проведение традиционных праздников, «перекрестных» годов, месяцев, недель или дней национальной культуры с зарубежными странами, деятельность китайских культурных центров за рубежом, возрождение ритуалов поклонения Конфуцию и другим мудрецам Поднебесной, возведение скульптур национальных героев древности, гастроли китайских театральных трупп, международное сотрудничество по линии библиотек, музеев, издательств, деятельность традиционных китайских академий — шуюань.

Большая роль отводится популяризации китайского языка (наряду с международным научно-образовательным сотрудничеством). Китайский язык — один из официальных языков ООН, государственный язык в КНР, на Тайване и в Сингапуре, а также родной для многомиллионной китайской диаспоры, проживающей во всех уголках нашей планеты. С 2005 г. Китай осуществляет политику «выхода за рубеж», объявленную председателем КНР Цзян Цзэмином. За эти годы в мире возникло явление, которое можно назвать «бумом китайского языка», что связано прежде всего с необходимостью сотрудничества с первой (с 2014 г.) экономикой мира по размеру ВВП по ППС. Согласно данным Государственной канцелярии по распространению китайского языка за рубежом, по всему миру сейчас насчитывается более 40 млн человек, изучающих китайский язык.

Продвижением китайского языка занимается сеть Институтов Конфуция — некоммерческих организаций, создаваемых на базе зарубежных вузов или в сотрудничестве с иностранными культурными центрами и функционирующих как совместное предприятие. На базе средних учебных заведений китайской стороной также учреждаются Классы Конфуция. Со времени основания первого Института Конфуция в южнокорейском Сеуле в 2004 г. создано уже более 500 Институтов и более 1 тыс. Классов Конфуция почти в 150 странах мира, что говорит об исключительной амбициозности данного проекта²². Деятельность Институтов и Классов Конфуция регулируется Государственной канцелярией по распространению китайского языка за рубежом, аффилированной с Министерством образования КНР.

Крупные международные образовательные проекты не единственный ресурс культурно-образовательной составляющей «мягкой силы» Китая. Министерством образования КНР и курируемыми им структурами, такими, как Китайский стипендиальный совет и Китайский центр по обслуживанию образовательных обменов, ведется масштабная работа по привлечению на обучение в КНР иностранных студентов. С 2005 по 2016 г. их количество увеличилось более чем в три раза: с 141 до 440 тыс. человек²³, причем большинство прибывает в Китай из развивающихся стран Центральной, Южной и Юго-Восточной Азии.

²¹ Кухаренко Н. В. Указ. соч., с. 170.

²² 500 Confucius Institutes Worldwide. — China Internet Information Center. — http://www.china.org.cn/china/2015-12/04/content_37234761.htm

²³ В 2016 г. в китайские вузы поступили 440 тыс. иностранных студентов. — Информационное агентство «Красная весна». — <http://rossaprimavera.ru/news/v-2016-godu-v-kitayskie-vuzy-postupilo-440-tysyach-inostrannyh> (дата обращения: 28.12.2017); Кучинская Т. Н., Тарабарко К. А. Указ. соч., с. 23.

Мощным потенциалом «мягкой силы» КНР обладает китайская диаспора — одна из крупнейших в мире, насчитывающая, по разным оценкам, от 35 до 50 млн человек. Миллионы этнических китайцев и их потомки пустили корни в бизнесе, культуре и политике всего мира. В США, например, проживают от 2 до 3,5 млн этнических китайцев. Но большая часть — около 75 % — китайской диаспоры сконцентрирована в странах Юго-Восточной Азии, где особенно крепки ее экономические позиции. Так, в Таиланде выходцы из Китая контролируют более 80 % компаний, котирующихся на фондовой бирже, в Малайзии — 62 %, на Филиппинах — более 50 %, а в Индонезии им принадлежат 70 % всех корпоративных активов в стране²⁴. Этнические китайцы и их потомки, эмигрировавшие в страны Юго-Восточной Азии, проявляют экономический интерес прежде всего к сфере обслуживания (от розничной торговли до банковской сферы) и к таким отраслям, как металлургия, строительство, добывающая промышленность, электроэнергетика²⁵. При этом нельзя сказать, что модели интеграции китайской диаспоры в общества этих стран идентичны: в Индонезии и Малайзии китайцы фактически не ассимилировались с местным населением, диаспоры в Таиланде, Вьетнаме и на Филиппинах считаются ассимилировавшимися, а в Сингапуре зарубежные китайцы заняли доминирующее положение²⁶. И во всем регионе сильна национальная самоидентификация этнических китайцев, что обусловлено их гордостью за стремительный социально-экономический подъем КНР и активной работой китайского руководства со своими диаспорами.

Вообще политику официального Пекина в отношении зарубежных соотечественников можно назвать образцовой. По замечанию исследователя вопроса А. В. Будаева, в диаспоральной политике КНР успешно комбинируются различные ее модели (репатриационная, патерналистская, прагматическая), что позволяет транслировать через представителей китайских общин за рубежом собственную «мягкую силу» и китайские ценности, а также стимулировать наиболее перспективных и полезных для КНР китайцев к возвращению на историческую родину²⁷. Благодаря активной поддержке соотечественников за рубежом меняется и их поведение: если раньше китайцы сохраняли свою идентичность в узких рамках диаспоры, компактно проживающей на той или иной территории (известных «китайских кварталах», или «чайна-таунах»), то сегодня они делают это посредством тесных контактов с родиной. В XXI в. даже возник феномен «тайкунжэнь» («космонавт»), когда китайская семья постоянно проживает за рубежом, а один либо несколько ее членов совершают регулярные поездки в Китай.

В современном Китае действует ряд государственных (правительственных и партийных), а также общественных структур, в компетенцию которых входит взаимодействие с зарубежными китайцами по различным вопросам: Комитет Всекитайского собрания народных представителей по делам зарубежных китайцев, Ведомство по делам зарубежных китайцев (подчинено напрямую Госсовету КНР), Информационный офис Госсовета КНР, Комитет по связям с Сянганом, Аомынем, Тайванем и зарубежными китайцами Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая, Китайская партия стремления и справедливости (партия Чжигундан, являющаяся одной из девяти официальных политических партий в КНР), Всекитайская федерация вернувшихся зарубежных

---

²⁴ Анохина С. Е. Китайские диаспоры и «новая» китайская миграция в странах Юго-Восточной Азии. — Вестник Томского государственного университета, № 361, 2012, с. 62, 64.

²⁵ Сведенцов В. Л. Политика КНР в отношении китайской диаспоры в странах Юго-Восточной Азии. — Проблемы национальной стратегии, 2016, № 5 (38), с. 119.

²⁶ Ульянова И. В. Китайская диаспора в Юго-Восточной Азии. — Общество и государство в Китае, т. 45, № 18—2, 2015, с. 500.

²⁷ Будаев А. В. Указ. соч., с. 117.

китайцев (общественный аналог Ведомства по делам зарубежных китайцев), Всемирная федерация этнических китайцев²⁸.

Китайским правительством организованы различные площадки для работы с зарубежной диаспорой: Конференция по сотрудничеству и обмену зарубежных китайских компаний в сфере науки и инноваций, Всемирный форум этнических китайцев, Всемирные конференции дружбы ассоциаций зарубежных китайцев. Кроме того, чтобы привлечь на историческую родину молодых и талантливых специалистов, а также состоявшихся предпринимателей, ученых и изобретателей из представителей китайской диаспоры и повысить качество человеческого капитала, руководство КНР за последние 30 лет запустило несколько грантовых научных программ: Программа 863 (инициирована в 1986 г.), Программа для ученых Чун Куна (1998 г.), Программа 100 талантов (1994 г.), Программа по привлечению высокоталантливых зарубежных китайцев, или Программа 1 000 талантов, (2008 г.), Проект 10 миллионов талантов (функционирует с 1995 г., в 2002 г. расширен и получил название «Проект 10 миллионов талантов нового века»)²⁹.

Экономическое направление также играет значительную роль в «мягкосиловой» стратегии КНР и представлено в первую очередь китайскими инвестициями за рубеж. Грань между государственными и негосударственными компаниями в Китае очень тонка, а потому для продвижения политических интересов государства нередко используются частные инвестиции. Инвестиции — важный инструмент позиционирования КНР в мире, обеспечения национальной экономики ресурсами и рынками сбыта, а также «мягкого» влияния на другие страны через финансирование обоюдовыгодных проектов. Характерно, что подобная «дипломатия чековой книжки» как элемент внешнеэкономической политики Китая и улучшения собственного имиджа за рубежом сопровождается апелляцией китайских властей к принципу невмешательства во внутренние дела других стран. Официальный Пекин вообще мало заботит степень «демократичности» того или иного режима, особенно когда речь идет о государствах Азии и Африки с авторитарной или полуавторитарной формами правления. Тем не менее КНР выдвигает одно жесткое требование, являющееся условием зарубежных инвестиций: страна-реципиент должна официально признать существование «одного Китая» и разорвать дипломатические отношения с Тайванем в том случае, если они ранее были установлены. Как правило, у развивающихся государств, нуждающихся в зарубежных финансовых вливаниях, соблюдение указанных требований КНР не вызывает трудностей. В целом сложившаяся система зарубежного инвестирования стала логическим продолжением Пекинского консенсуса как успешной и привлекательной модели политико-экономического развития, синтезировавшей идеи рыночной экономики и однопартийной политической системы.

Еще один компонент китайской «мягкой силы» образуют некоторые виды внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности КНР, направленные на борьбу с нетрадиционными угрозами, в ходе которой Китай проявляет себя как ответственная держава. Борьба с подобными вызовами включает использование Народно-освободительной армии Китая для проведения международных контртеррористических операций и кампаний по эвакуации мирного населения из зон вооруженных конфликтов; содействие усилиям ООН по обеспечению и поддержанию мира (по количеству граждан, участвующих в миротворческих миссиях и операциях ООН, Китай занимает первое место среди постоянных членов Совета Безопасности³⁰); оказание международной помощи при ликвидации последствий чрезвычай-

²⁸ Подробнее см. *Емельянова Н. Н.* Указ. соч., с. 188; *Кучинская Т. Н., Цыренова Э. Ж.* Культурные стратегии России и Китая: диаспоральный аспект. — *Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия*. Сборник Восточного Центра, № 19, 2017, с. 67.

²⁹ *Сведенцов В. Л.* Указ. соч., с. 113—114.

³⁰ *Troop and Police Contributions (as of 31 December 2017)*. — United Nations Peacekeeping official site. — <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors>.

чайных ситуаций (так называемая «кризисная дипломатия»); совместное морское патрулирование для поддержания безопасности на море, поиска и спасения людей, пострадавших во время кораблекрушения, для обмена информацией о нелегальном морском промысле, предотвращения конфликтов между промысловыми артелями, ликвидации морского пиратства и уничтожения подводных мин³¹.

Нейтрализация нетрадиционных угроз обеспечивается также посредством предоставления другим государствам гуманитарной помощи и помощи для развития. Такие акции получили название «дипломатия развития». К сожалению, трудности статистического учета не позволяют привести достоверные цифры объемов китайской гуманитарной помощи, поскольку большая ее часть предоставляется в натуральной форме. Но однозначно можно констатировать, что гуманитарное присутствие Китая во многих беднейших государствах Африки, Азии, Океании, Латинской Америки и Ближнего Востока сегодня значительно усилилось.

Основным инструментом для реализации указанных выше направлений политики «мягкой силы» в Китае является публичная дипломатия. В работах китайских исследователей-международников термин «публичная дипломатия» («гунгун вайцзяо») появился в 1990 г., когда профессор Чжоу Ципэн использовал его в книге «Зарубежная дипломатия». Позднее, в 2011 г., бывший глава пресс-канцелярии Государственного совета КНР Чжао Цичжэн выделил общие черты публичной дипломатии всех стран, использующих ее в качестве инструмента внешней политики. «Публичной дипломатией, — отметил он, — руководит правительство, ее объектом являются правительства и народы других государств, ее цель — улучшить образ государства, которое ее реализует». Параллельно в китайский политический и научный лексикон было введено еще одно понятие — «народная дипломатия» («миньцзян вайцзяо»). Чжао Цичжэн определял ее как «внешние контакты, осуществляемые по собственной инициативе в разнородном и многообразном международном сообществе правосубъектными организациями, в официальную компетенцию которых не входит государственная дипломатия, или физическими лицами во имя государственных интересов своей страны, целей официальной дипломатии, или для восполнения недочетов официальной дипломатии, или во имя сохранения мира во всем мире и защиты общих интересов человечества»³². На наш взгляд, в данном случае уместно говорить о китайской общественной дипломатии.

В целом система публичной дипломатии (включая и общественную дипломатию) в Китае институционально оформилась к началу 2000-х годов. Ключевыми структурами, формирующими повестку дня в этой области, являются Департамент по общественным делам КПК (ранее — Отдел зарубежной пропаганды КПК) и Пресс-канцелярия Государственного совета КНР. Кроме того, выработку и принятие государственных решений по вопросам публичной дипломатии осуществляет Отдел по вопросам публичной дипломатии при Департаменте информации и печати МИД КНР. Практические рекомендации правительству в целях наиболее полной реализации потенциала публичной дипломатии представляет также Китайская ассоциация публичной дипломатии — общенациональная некоммерческая организация, членами которой являются видные ученые, эксперты, учреждения соответствующего профиля. Общественную же дипломатию в КНР курируют Китайское народное общество дружбы с заграницей, Китайская ассоциация по сотрудничеству неправительственных организаций, Китайская ассоциация содействия развитию демократии, Китайский фонд мира и развития и ряд других институтов, которые в той или иной степени находятся под контролем государства.

Таким образом, на сегодняшний день, по определению Чжао Цичжэна, в Китае сложилась трехзвенная система дипломатии, состоящая из государственной

³¹ До Минь Као. Рост «мягкой силы» Китая во внешней политике, в области безопасности и обороны. — «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром, с. 179.

³² Кривохиж С. В. Публичная дипломатия Китайской Народной Республики: становление и развитие, с. 41, 44, 42.

(традиционной) дипломатии, осуществляемой по линии «государство — государство», публичной дипломатии, включающей взаимодействие по линии «государство — общество», наконец, общественной, или народной дипломатии, подразумевающей работу по линии «общество — общество»³³. Отечественный исследователь С. В. Кривохиж выделяет три главных вектора в рамках публичной и народной дипломатии Китая: информационно-просветительское, культурно-образовательное и имиджевое³⁴. Активная работа по указанным направлениям ведется профильными государственными ведомствами, китайскими некоммерческими организациями, организациями системы высшего образования, упомянутой выше сетью Институтов и Классов Конфуция, а также китайскими СМИ.

В числе последних следует особо выделить Центральное телевидение Китая (CCTV) и Информационное агентство правительства КНР «Синьхуа». CCTV работает с 1958 г. и имеет сегодня свыше 40 телеканалов. Мировая аудитория канала, вещающего на английском, корейском, русском, французском, испанском и арабском языках, насчитывает 85 млн человек. В 2000 г. был создан международный англоязычный новостной канал CCTV International, который с 2010 г. называется CCTV News. В канун 2016 г. Центральным телевидением Китая в ходе ребрендинга CCTV News была запущена новая телекомпания CGTN (China Global Television Network) — мультиязычная и мультиплатформенная медиагруппа, в состав которой вошли шесть телеканалов, три зарубежных отделения, провайдер видеоконтента и подразделение цифровых медиа.

Агентство «Синьхуа» официально является структурой, входящей в Министерство государственной безопасности КНР. Оно освещает новости по всему миру на китайском, английском, французском, русском, испанском, арабском и японском языках с 1931 г. В 2010 г. «Синьхуа» запустило круглосуточный англоязычный канал China Network Corp (CNC). Еще один важный игрок на этом направлении — Международное радио Китая (CRI), вещающее с 1941 г. Сегодня оно имеет около 60 дочерних зарубежных радиостанций, 15 радиошкол Конфуция, 18 каналов интернет-радио. Наконец, существуют крупные печатные издания с миллионными тиражами, выходящие на английском языке и имеющие аккаунты с десятками миллионов подписчиков в социальных сетях: People's Daily, China Daily, Global Times и др. Вообще китайские СМИ очень активно действуют в рамках «публичной дипломатии Web 2.0». По состоянию на начало 2018 г. уникальными пользователями русскоязычной страницы канала CCTV в Facebook были почти 47 млн человек³⁵.

Важным направлением «мягкой силы» и публичной дипломатии Китая также является спорт, успешное развитие которого создает положительный образ страны на международной арене. Характерная особенность политики официального Пекина в спортивной сфере — популяризация и продвижение не только спорта высоких достижений, но и массовых занятий физической культурой и спортом, что оказывает благотворное влияние на физическое и духовное здоровье китайской нации и также способствует формированию позитивного имиджа Поднебесной за рубежом. Благодаря продуманной политике китайского руководства по всеобъемлющему развитию национального спорта страна за последние 17 лет вошла в тройку призеров в общекомандном зачете на летних Олимпийских играх, демонстрируя впечатляющие результаты в таких спортивных дисциплинах, как художественная и спортивная гимнастика, прыжки в воду, настольный теннис, тяжелая атлетика, стрельба.

Спортивное направление «мягкой силы» Китая подкрепляется усилиями страны по организации и успешному проведению массовых мероприятий, имеющих мировое значение. В КНР неоднократно проводились чемпионаты мира по на-

³³ Там же, с. 42.

³⁴ Там же, с. 582.

³⁵ См. официальную страницу CCTV на Facebook. — https://www.facebook.com/cctvrussian/?ref=br_rs&brand_redir=188872144758

стольному теннису (1961, 1995, 2005 гг.), мировые первенства по спортивной гимнастике (1999 г.), тхэквондо (2007 г.), фигурному катанию и легкой атлетике (оба — 2015 г.). Авторитет страны в спортивной сфере в значительной степени подняли Летние Олимпийские игры 2008 г., Летние Универсиады 2001 и 2011 гг., Зимняя Универсиада 2009 г., Летние (1990 и 2010 гг.) и Зимние Азиатские игры (1996 и 2007 гг.).

Среди специфических элементов китайской общественной дипломатии следует выделить так называемую «дипломатию панд», подразумевающую использование больших панд — животных, занесенных в Красную книгу и являющихся национальным символом КНР, — в качестве дипломатических подарков народам других стран для налаживания с ними дружеских отношений. Впервые в китайской истории «дипломатия панд» была применена на рубеже VII—VIII вв. н. э., когда китайская правительница У Цзэтянь презентовала двух бамбуковых панд императору Японии. Вплоть до второй половины XX в. подобные дарения совершались лишь эпизодически. Начиная с 1950-х годов «дипломатия панд» стала применяться руководством КНР в качестве инструмента внешней политики. С 1957 по 1983 г. Китай безвозмездно передал 23 большие панды девяти государствам. Однако, когда в 1980-е годы спрос на панд существенно вырос, официальный Пекин начал сдавать бамбуковых медведей иностранным зоопаркам в аренду на 10 лет, причем за весьма солидную сумму — от 250 тыс. до 1 млн долл. за пару особей. Безвозмездно и на бессрочной основе эти экзотические подарки направляются лишь на Тайвань, в Гонконг и Макао. Вырученные от аренды панд средства идут на сохранение этого исчезающего в дикой природе вида животных и развитие специализированных питомников, что характеризует Китай как ответственную державу, вносящую свой вклад в сохранение биологического разнообразия на планете.

Наконец, в рамках исследования публичной дипломатии Китая нельзя не упомянуть такой ее аспект, как буддизм, одну из мировых религий, которую исповедуют около 7 % населения планеты, или более 0,5 млрд человек. Как известно, в основе буддизма лежат принципы мира и гармонии, ненасилия и согласия, что свидетельствует о его явно «мягкосиловом» характере и больших возможностях для использования в качестве инструмента внешней политики, чем активно и пользуется Китай. Потенциал буддийской дипломатии в КНР реализуется в первую очередь в отношении ближайших соседей — Японии, Индии, Мьянмы и ряда других стран. В истории коммунистического Китая отношение к буддизму было неоднозначным, но сегодня буддийская дипломатия включена в арсенал внешней политики. Ключевыми институтами ее проведения являются Буддийская ассоциация Китая и Ассоциация по религиозному и культурному обмену³⁶. Правда, по-прежнему существует проблема с духовным лидером тибетских буддистов Далай-ламой XIV и его последователями во всем мире, которая наносит определенный вред международному имиджу Пекина.

Несмотря на существенные успехи в применении «мягкой силы» во внешней политике, Китай сталкивается сегодня с рядом проблем в этой сфере. Как справедливо замечает отечественный исследователь Е. В. Соловьева, в глазах подавляющего большинства иностранцев Поднебесная до сих пор представляет собой «сомнительную смесь устаревших идей, фантастических надежд, неискоренимых предрассудков и необоснованных страхов»³⁷. Власти Китая, конечно же, отдают себе отчет в том, что подобные сложности существуют, и пытаются кардинально изменить свой имидж. Однако Пекину трудно бороться с формирующими международное общественное мнение западными СМИ, которые имеют почти неограниченные ресурсы в этой области. Представляется, что в ближайшей перспективе восприятие КНР в некоторых частях нашей планеты по-прежнему будет скорее негативным,

³⁶ Джанаева А. Э., Понька Т. И., Чжао Цзелинь. Указ. соч., с. 295.

³⁷ Соловьева Е. В. «Мягкая сила» — инструмент интеграции Китая в мировые процессы. — Россия и АТР, 2012, № 1, с. 86.

чем позитивным. Ведь большинство западных СМИ основное внимание уделяют не успехам китайской модернизации и экономическим достижениям страны, а нарушениям в КНР прав человека, растущим военным расходам, экологическим проблемам, тяжелым условиям труда на китайских заводах³⁸.

Есть и другие проблемы — неоднородность культурного уровня населения в городе и деревне, растущее социальное расслоение, коррупционные скандалы, по сути однопартийная система и дефицит демократии, сепаратизм Тибета и Синьцзяна, территориальные претензии к соседним государствам. Все это в значительной степени нивелирует усилия Пекина по выстраиванию позитивного имиджа на международной арене. Кроме того, геополитическими противниками КНР активно подогревается миф о китайской угрозе, который с учетом непростых отношений Китая с большинством его соседей находит благодатную почву для распространения в целом ряде стран.

Экономическая составляющая «мягкой силы» Китая тоже подвергается критике. Многие развивающиеся государства недовольны механизмом предоставления им китайских инвестиций. Лучше всего это прослеживается на примере африканских стран: финансирование проектов здесь осуществляется не через местные государственные структуры, а идет напрямую китайским компаниям, работающим на континенте. Официально это делается в целях борьбы с коррупцией на местах, однако в действительности КНР просто кредитует собственные компании. Ситуация усугубляется растущей обеспокоенностью стран в связи с массовым притоком китайских иммигрантов, в том числе нелегальных, а также из-за того, что КНР ориентируется на освоение зарубежных природных ресурсов, а это чревато превращением стран — реципиентов помощи Китая в его сырьевые придатки и серьезным ухудшением экологической обстановки.

Эффективное применение «мягкой силы» КНР осложняется и традиционным стремлением зарубежных китайцев жить в изоляции. Богатейшая культура Поднебесной мало влияет на коренное население зарубежных стран, оставаясь достоянием только самих китайцев. Почти во всех странах проживания у этнических китайцев есть собственные магазины и развлекательные центры, в которых редко встретишь представителей местного населения, свои школы и высшие учебные заведения, в которых могут учиться лишь выходцы из китайских семей. А ввиду того, что китайская культура и язык тяжело перенимаются другими народами, формирование и поддержание позитивного имиджа Китая в мире затруднено.

Эксперты отмечают наличие и ряда других проблем, связанных с ключевым ресурсом китайской «мягкой силы» — национальной культурой. Так, профессор Ван Юэчуань считает, что успешному продвижению китайской культуры за рубеж препятствуют «культурные болезни “колонизации культуры”, “колонизации языка” и утрата баланса в духовной сфере», создавшие у китайцев «комплексы культурного самоуничтожения и пораженчества»³⁹. Американский эксперт Дж. К. Рамо подчеркивает, что китайские чиновники, ответственные за вывод национальной культуры за рубеж, не изменяя традициям, выбирают для культурного экспорта старые китайские клише — боевые искусства, чай, китайский балет, т.е. не совсем понимают, как использовать потенциал китайских культурных лидеров современности⁴⁰.

Тем не менее популярность китайской традиционной культуры и китайского языка в XXI в. неизменно растет, причем на всех континентах. Китайская диаспора вносит существенный вклад в установление культурных и иных связей с народами зарубежных государств, развиваются научно-гуманитарные и студенческие обмены, Институт Конфуция становится крупнейшей культурно-образовательной организацией в мире, усиливают свое влияние китайские СМИ. Важным показателем при-

³⁸ Гуэцин А. Мимикрия китайского дракона. — Россия в глобальной политике, 12 ноября 2013 г. — <http://globalaffairs.ru/global-processes/Mimikriya-kitaiskogo-drakona-16198>

³⁹ Цит. по: Ломанов А. В. Указ. соч., с. 43.

⁴⁰ Ramo J. C. Brand China. London, 2007, p. 25.

существования Китая в мировом информационном пространстве являются стремительно набирающие обороты медиа-проекты, использующие инструменты «публичной дипломатии Web 2.0», а также культурная индустрия КНР, включающая шоу-бизнес, анимацию, компьютерные игры, кинематографию, телевидение, издательскую деятельность, рекламу. И хотя основными потребителями культурной продукции все еще остаются проживающие за границей этнические китайцы, роль иностранной аудитории тоже растет. Китай активно наращивает свое «мягкое влияние» в Восточной, Юго-Восточной и Центральной Азии, в регионе Большого Ближнего Востока, Латинской Америке и Африке, других регионах мира. Однако характер «мягкой силы» КНР проявляется ситуативно: в одних частях мира его культура, политические ценности и внешняя политика привлекательны, а в других — пока нет.

Несмотря на объективные препятствия и трудности, с которыми сталкивается реализация китайской стратегии «мягкой силы» и публичной дипломатии, Китайская Народная Республика выходит на авансцену мировой политики, бросая вызов традиционным игрокам — США, государствам ЕС и Японии. Есть все основания полагать, что в скором времени Китай станет не только первой экономикой мира, но и признанным лидером в сфере применения «мягкой силы» — неотъемлемого элемента внешней политики любой крупной державы в XXI в.